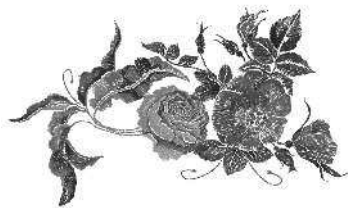

Роман
Шмараков

Роман
Шмараков

АВТОПОРТРЕТ
С
УСТРИЦЕЙ
В
КАРМАНЕ

Москва
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш71

Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

Шмараков, Роман Львович.

Ш71 Автопортрет с устрицей в кармане / Роман Шмараков. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-109785-1

Роман филолога Романа Шмаракова — образец тонкой литературной игры, в которой читателю предлагается сразу несколько ролей; помимо традиционной, в которой нужно следить за развитием сюжета и красотами стиля и языка, это роли проницательного детектива (ведь всякое убийство должно быть раскрыто), ценителя тонкого английского юмора (а кто не любит Дживса и Вустера?), любителя историй из «Декамерона» Боккаччо и «Страдающего Средневековья», символики барочной живописи и аллегорий. В переплетении сюжетных линий и «плетении словес» угадывается большее, чем просто роман, — роман постмодернистский, многослойный, где каждый может вычитать свое и где есть место многому: «героическим деяниям» предков, столкновениям мифотворцев и мифоборцев, спиритическим сеансам и перебранке вызванных с того света духов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109785-1

© Шмараков Р., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Многие помогали мне, когда я, сочиняя этот роман, обращался за разъяснением самых разных вещей. Это в особенности Софья Багдасарова, Дмитрий Иванов, Елена Сафф, Артем Серебренников, Дильшат Харман, Юлия Штутина; пусть простят меня те, кого я не упомянул.

Особая благодарность — Екатерине Ракитиной, которой я обязан двусмысленностью, связанной с украденными книгами, а также фразой из *Хроники* Герарда Марша, обсуждаемой во второй главе: «And so they went back and forth for the battle it filled their hearts with woe» и «And so they went to Beckenford for the battle, it filled their hearts with woe»; эта фраза, в ее подлинном и искаженном виде, дала мне название Бэкинфорда и избавила от трудностей, с которыми я сам бы не справился.

...e saettò nel seno
De la misera Arcadia non veduti
Strali ed inevitabili di morte.

Il pastor fido

Длинная комната с большими окнами, которую все живущие в доме называют галереей. Одна дверь из нее ведет в сад, другая — в глубь дома, а ближайшим образом — к короткому коридору на кухню. Близ двери, ведущей в дом, — столик, заставленный безделушками, в дальнем углу — дверь в чулан, задвинутая шкафом. На стене над столиком старинная картина. На ней пастушка, стоящая в раздумье, рядом на скамье ее кавалер с лютней, низко склонивший голову, позади в кустах — что-то похожее на гробницу. На заднем плане — роща, из которой на опушку выходит еле заметный волк.

— **В**се-таки мне кажется, что одних тарталеток будет мало, — сказала Эмилия.

— Миссис Хислоп предлагает пару имбирных кексов, лепешки с девонширским кремом, мед и малину, — сказала Джейн. — Кроме того, она утверждает, что к твоим картинам пошли бы сэндвичи с кресс-салатом и креветками. Если хочешь, спроси ее, что она под этим понимает. Впрочем, креветок все равно нет, так что вопрос академический.

— Имбирные кексы, — задумчиво сказала Эмилия. — По-моему, это слишком хорошо для такого случая. Пойми меня правильно, я не думаю отказать моим знакомым в маленьком удовольствии, но мне не хотелось бы, чтобы потом говорили: «О да, там были замечательные имбирные кексы, миссис Хислоп выше всяких похвал, и еще виды аббатства в желтых рамках». Воспоминания так прихотливы.

— Да, я понимаю, — кивнула Джейн. — Я однажды сидела в приемной у дантиста с одним из таких сборников, что издают в помощь девушкам, ведущим культурную жизнь; боюсь, это было опрометчиво. Потом один молодой человек, очень милый, но... в общем, он решил прочесть мне: «Наконец мы напились из Леты, мы лотос вкусили, там,

где скорбь родилась и скончалась» и все, что там дальше, о чем я узнала, пока сидела у дантиста. Думаю, он был удивлен тем, как я к этому отнеслась. Не стоит брать в такие места вещи, которые собираешься потом использовать в лучшей жизни.

— Надеюсь, ты не была с ним слишком сурова. Все-таки он не виноват.

— Тогда это не пришло мне в голову. В общем, не тревожься зря. Я уверена, что ты пересилишь кексы.

— Вот еще что: писать приглашения или нет? Удивительное дело, нигде нет правил этикета на случай, если зовешь знакомых посмотреть на свои картины. Кто пишет пособия по этикету?.. Эти люди уверены, что мне чаще приходится принимать в гостях особ королевской крови или устраивать им после этого торжественные похороны.

— Напиши, — предложила Джейн.

— Пособие по этикету?

— Приглашения. По крайней мере, это тебя займет.

— Боюсь, не показалось бы, что я придаю этой затее слишком много значения.

— А ты не придаешь? — осторожно спросила Джейн.

Эмилия покачала головой.

— Мне не хочется выглядеть смешной. Я уже жалею обо всем этом.

— Дорогая, — мягко сказала Джейн, — мы все тебя поддерживаем. Спроси у мисс Робертсон или у vicария, он сейчас наверху; они знают слова, подходящие к таким случаям.

— А Роджер приедет?

— Лев встает на дыбы, — сказал попугай. Он сидел на шкафу и, вывернув шею движением, мучительным для восприимчивого наблюдателя, чистил перья на спине. — Да, на дыбы. Я выхватываю саблю.

— Я даже не знаю, вернулся ли он из Италии и в каком состоянии, — сказала Джейн. — До последнего момента он уверял меня в открытках, что приедет. Я бы не стала слишком на это рассчитывать.

— Верхняя половина отделяется от нижней, — продолжил попугай и шумно перелетел на плечо к Джейн.

— Не сейчас, милый, — рассеянно сказала она.

— Он мог бы написать в «Ежемесячное развлечение», — предположила Эмилия. — Он же пишет для них. Хотя бы несколько строк. Если, конечно, ему понравится.

— Я уверена, ему понравится.

— И запекается полчаса, — сказал попугай.

— Сколько? — переспросила Джейн.

— На дыбы, — подтвердил попугай, перелетая на стол. — Конго — это боль, — сообщил он.

— У него там отравили быка, — сказала Эмилия.

— У кого?

— У Генри. Он рассказывал. Недружественные туземцы с помощью белены. «Всегда следи за недружественными туземцами», — говорит он.

— Все запирать на ночь, — сказал попугай.

— Это благоразумно, — сказала Джейн.

— Наверняка он расскажет о них что-то новое, когда вернется из... оттуда, где он сейчас. Это люди неистощимой изобретательности. Перестань, милый, — сказала она, поднимая поваленные попугаем статуэтки. — Как ты думаешь, куда мне поставить отшельника, справа или слева от натюрморта с палтусом?

— Ну, — начала Джейн, — тебе удалось придать ему такой выразительный взгляд...

— В самом деле?..

— Да, просто пронизывающий, это удивительно... поэтому, мне кажется, лучше поставить его так, чтобы он не смотрел ни на что в особенности. Может выйти неловко.

— Значит, вот сюда, — сказала Эмилия, меняя палтуса и отшельника местами. — Все-таки надо чем-то украсить комнату, — продолжила она, поднимая голову.

— Тут пошли бы гирлянды, — сказала Джейн. — Не очень много, чтобы не отвлекать внимание. Давай сядем и будем плести их с красивой песней.

— В чулане может быть что-нибудь подходящее, — сказала Эмилия. — Только надо сдвинуть оттуда шкаф. Давай позовем Эдвардса, он где-то в саду, я слышу, как его ножницы шелкают.

— Он стоит тут целую вечность, — сказала Джейн. — Мне кажется, он пустил корни. В одиночку его не сдвинешь. Хочешь, я схожу за викарием?.. Он сейчас в библиотеке. Он не откажется помочь; и потом, он ведь такой человек, что мог бы сказать шкафу «перейди вот сюда», и шкаф...

— Джейн, ты не могла бы, — быстро заговорила Эмилия, — ты же знаешь, как я отношусь к таким вещам, а сейчас...

— Прости, дорогая, — сказала Джейн, — это была дурацкая шутка. Может быть, мистер Годфри?..

— Нет, не надо, — тревожно сказала Эмилия. — Я его побаиваюсь. Он ведь не удержится что-нибудь сказать, и тогда я совсем потеряю равновесие. Выгляни, пожалуйста, на дорогу, может быть, тебе повезет встретить человека, склонного в жару двигать шкафы.

— Хорошо, я найду кого-нибудь, — пообещала Джейн, выходя в сад.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Да, миссис Хислоп, они еще тут. Доктор Уизерс уже уходит. Он говорит, что в этом доме ему больше нечего делать. Они отдадут тело, когда установят причину смерти. Нет, я не думаю, что мы должны угостить доктора Уизерса кексами... Да, я нахожу, что можно обойтись без этого и он ничего такого не подумает... Я уверена, что не подумает... К тому же, я слышу, Энни его уже провожает.

Джейн медленно вышла из двери и села на стул, выдвинутый на середину комнаты. Она посмотрела на столик, на пол рядом с ним, сказала: «Тело. Господи, тело» — и заплакала.

— Не плачь, — сказал молодой человек, входя в дом из сада.

— Роджер! Это ужасно, ужасно! Мы все... я... Эмилия!.. Что теперь делать?..

— Тебе надо бы умыться холодной водой, — сказал Роджер, — иначе ты не остановишься, со слезами всегда так. Должна же в этом доме быть холодная вода. Умойся, пожалуйста, скоро здесь все будут нуждаться в твоей трезвой голове.

— Ты... откуда ты вообще взялся?.. Мы не ждали тебя раньше субботы.

— Я хотел сделать сюрприз, — сдержанно сказал Роджер.

— Тебе удалось, — с горечью заметила Джейн. — Крутом хаос, эти люди, стулья путаются под ногами, все спрашивают одновременно... и Эмилия... Господи, ты понимаешь, что Эмилия умерла?.. И тут ты, с ясной улыбкой, желаешь всем доброго дня и спрашиваешь, где можно поставить чемодан.

— В Адметов скорбный дом гулякой шумным... извини, не буду больше. Тебе бы все-таки умыться. Хочешь, я найду воды?

— Брось, — сказала Джейн, слабо махнув рукой. — Ты давно приехал?

— Только вчера добрался до дома.

— И сразу к нам?..

— Видишь ли, — сказал Роджер, — я был полон впечатлениями, и мне надо было с кем-то поделиться, вот я и подумал, что здесь, в кругу людей, любящих живопись, меня будут слушать охотнее. Я теряюсь, когда меня не слушают.

— Значит, ты не зря съездил.

— Масса впечатлений, — подтвердил Роджер. — Я сделал кучу выписок. Жаль только, с ними нельзя справиться. Некоторые подробности, гм, пропали безвозвратно.

— Ты их потерял, — догадалась Джейн.

— Конечно, нет. Они всегда были при мне. Просто моя записная книжка, как бы это сказать, немного подмочена. Боюсь, эти люди из «Ежемесячного развлечения» будут несколько разочарованы. Они уже звонили вчера и спрашивали, когда ждать первый очерк.

— И поэтому ты...

— Ну конечно, нет!.. У меня были другие причины. Здесь ведь полон дом людей, неравнодушных к искусству. Кстати, кто это гремит там наверху?

— Наверное, Энни. Мисс Робертсон после беседы с инспектором ушла к себе. Инспектор в библиотеке — должно быть, разговаривает с викарием. А мистер Годфри не знаю где.

— Как быстро появился этот инспектор. А Энни — это здешняя горничная? Такая рыжая?

— Рыжая — это предыдущая Энни, ты редко здесь бываешь. Да, на удивление быстро, я и не думала, что так бывает... Господи...

— Он внушает уважение, — быстро сказал Роджер, — хотя выглядит очень молодым. Следствие в надежных руках. Надеюсь, он был аккуратен с мисс Робертсон, ее ведь трудно будет успокоить, сколько я ее помню.

— Да, он был очень учтив, он даже за весь разговор ни разу... — сказала Джейн и осеклась.

— Ну-ну, — с интересом сказал Роджер. — Продолжай.

— Ну ты же знаешь, — неохотно начала Джейн, — наш дом очень старый...

— Неравномерно старый, — уточнил Роджер.

— Вот именно. Он как костюм с карманами там, где их меньше всего ждешь, и непонятно, кому придет в голову что-то хранить в таких местах...

— Карманы делаются в мнемонических целях, — сообщил Роджер. — Через некоторое время человек привыкает ассоциировать с печенью две серебряные полукроны, а с сердцем — зубочистку и театральные программки; из этого происходят всякие интересные следствия. Почему ты отказываешься публиковаться? Я уверен, твой стиль понравится людям. Хочешь, я поговорю с «Ежемесячным развлечением»? Наверняка их заинтересует серия очерков из деревни, написанных наблюдательной девушкой, образованной, но не потерявшей расположения местных жителей.

— Перестань, — сказала Джейн.

— Да, конечно. Ты говорила о том, что там с инспектором и мисс Робертсон и почему ты об этом знаешь.

— Так вот, я шла мимо библиотеки и совсем не собиралась останавливаться... Но когда я дошла до статуи, которую покойный сэр Джон поставил в коридоре...

— Сатир с сорокой, — уточнил Роджер. — Я помню. Прекрасная вещь, острый стиль. Затаенный юмор и внимание к бытовым деталям.

— От сороки уже не так много осталось, — сказала Джейн. — Дело в том, что Энни...

— Нынешняя?..

— Рыжая... Впрочем, это неважно. У меня в руках была розетка с вареньем из айвы, уже не помню почему. Я же несла ее мисс Робертсон!.. Она попросила айвы. Куда я ее потом дела?..

— Найдется, — сказал Роджер. — Так что там с сатиром?

— Я пролила немножко варенья — руки дрожали — и мне пришлось поставить розетку, сходить за тряпкой и оттирать сатира и сороку. Кстати, айва удивительно хорошо смотрится на старом мраморе, а будь в ней немного больше сахара и цедры...

— Не зря я сюда приехал, — одобрительно сказал Роджер. — Ну а дальше?

— Понимаешь, дом старый, и в нем много странностей со звуками. Они то пропадают вблизи, то разносятся очень далеко. Например, если стать рядом с сатиром, замечательно слышно все, что говорят в библиотеке, а стоит отступить на два шага — и все пропадает.

— Любители органной музыки называют это «поразительным акустическим эффектом», — сказал Роджер. — Один человек таким образом узнал много лишнего в соборе Святого Павла. Потом он уверял, что это были голоса ангелов. Они советовали ему пойти в лавку Коупленда

и купить сукна с гладкой каймой, пока оно еще есть. Он тогда сильно потратился.

— Я не собиралась подслушивать!.. Надо же было оттереть сатира, пока айва не въелась в него навсегда; кто знает, как мрамор реагирует на такие вещи.

— Никто тебя не обвиняет, — сказал Роджер. — Каждый на твоём месте повел бы себя точно так же. Так что там было?

— Сперва инспектор усадил ее в кресло и спросил, как она себя чувствует и в силах ли отвечать на вопросы, а мисс Робертсон поблагодарила его за любезность и сказала, что предпочтет ответить на все сейчас. Он спросил, кем она приходится хозяевам этого дома и давно ли здесь живет. Она сказала, что была подругой покойной хозяйки и живет в Эннингсли-Холле, кажется, уже лет десять. «Смею надеяться, — прибавила она (я не видела ее жест, но могу его представить), — смею надеяться, я не заставила их раскаяться в гостеприимстве».

— Они ведь вместе учились, сколько я помню?

— И играли на любительской сцене, — прибавила Джейн. — Говорят, мисс Робертсон там блистала в ролях, требующих чувства.

— С ней была еще какая-то романтическая история.

— Тетя Хелен не распространялась об этом, — сказала Джейн, — так что я мало знаю. У мисс Робертсон в юности была большая любовь, но им что-то мешало быть вместе, не знаю что; кажется, ее поклонник чуть ли не предлагал ей бежать и венчаться...

— Кони грызли узду у крыльца, — вставил Роджер.

— Но она не могла собраться с духом...

— И с тех пор никогда...

— Роджер, мы с тобой сплетничаем, — сказала Джейн, — это совсем не к месту.

— Да-да, мы больше не будем.